

гоге, хварш. lola, инх. lolo, бежт. halo, гунз. hōle «нога, ступня»; (14) цез., гин. моли, хварш. мули, бежт. міло, гунз. mōlu «ноготь, коготь»; (15) цез., гин. lid «самка оленя», хварш. led, инх. led, бежт. led, гунз. ləd «олень»; (16) цез. li, гин. ле, хварш. lã, инх. lǒ, бежт. li, гунз. lĩ «вода»; при этом каждое из соответствий (13—16) регулярно и, следовательно, требует интерпретации на прозецком уровне. Б. К. Гигинейшвили к своей реконструкции прадагестанских *λ и *λ̄: приводит некоторые данные цезского, хваршинского и гунизбского языков, однако информация о различиях, проявившихся в других цезских языках, пропадает; следовательно, она и не могла быть учтена автором при реконструкции общедагестанского консонантизма [11, с. 121—122, 128].

Наконец, приведем пример одного конкретного сближения. На первый взгляд нет ничего общего между авар. ta «листва для дубления шкур», тинд. ali и рут. qıgıq «лист». Однако построив проекции на прааваро-андийский (*χ ol(H)i) и пралезгинский (*χ̣ ʷiri-χ̣ ʷ) уровень и учитывая соответствия на ПВК уровне, легко убедиться в этимологическом тождестве этих слов [1, с. 784—785]. Итак, не только исходные теоретические предпосылки сравнительно-исторического языкознания приводят нас к необходимости поэтапной реконструкции для больших и разветвленных семей языков — такая необходимость наглядно подтверждается на практике.

С. А. Старостин и С. Л. Николаев впервые убедительно продемонстрировали генетическое родство западнокавказских (абхазо-адыгских) и восточнокавказских (нахско-дагестанских) языков. Способом доказательства в данном случае — как и в любом другом — является предъявление детально разработанных праязыковых реконструкций для тех семей, родство которых никем не оспаривается, и их сравнение друг с другом. В результате такого сравнения авторами реконструирована прасевернокавказская (ПСК) фонологическая система и корпус морфем, принадлежащих к корням базового словаря². Из этого ПСК уровня закономерно выводится ПВК и празападнокавказская (ПЗК) системы. На ПЗК уровне структура слова подверглась значительному упрощению, так что ПВК реконструкция практически совпадает с ПСК уровнем. Однако несмотря на то что западнокавказская фонетика по существу выводима из восточнокавказской, авторы подчеркивают, что такономически западнокавказский образует генеалогическую ветвь того же уровня, что и восточнокавказский.

Преобразование ПСК системы в западнокавказском подчинялось следующим основным правилам. Во-первых, качественные характеристики ПСК гласных перешли на согласные, что особенно полно проявилось в подсистеме аффрикат, а именно: палатализованные согласные возникли в позиции перед гласными переднего ряда, а лабиализованные — перед гласными заднего ряда. Во-вторых, системы глухих смычных и аффрикат расщепились также и в зависимости от количественных характеристик ПЗК гласных: перед ПСК краткими гласными сохранились исходные противопоставления по ларингальным признакам (глухость/звонкость/абруптивность), а перед ПСК долгими гласными произошла нейтрализация этих противопоставлений в новом ларингальном признаке преруптивности. В-третьих, в ПЗК шло выпадение сонорных (кроме *m), и, несмотря на то, что позиционные условия этого выпадения до конца не ясны, такая гипотеза более приемлема, чем гипотеза противоположного рода, т. е. ничем не объяснимое возникновение различных сонорных в различных позициях в ПВК. Эти три процесса привели к невероятному расширению системы согласных и соответственно редукции системы гласных в западнокавказских языках. Обилие согласных в ПЗК объясняет и большое число соответствий между западнокавказскими языками, многие из которых представлены всего одним-двумя примерами. Предложенное авторами «Словаря» объяснение этому факту (переход

² В этом принципиальное отличие «Словаря» от работ А. И. Абдокова [26, 27], в которых процедура доказательства родства северокавказских языков лишена этих компонентов, что дает скорее дополнительные козыри противникам идеи родства.